Выходитъ въ каждую середу.
Адресъ Редакціи и Администраціи: „ЛЕМКО“ Горлицы.

ЛЕМКО

Подписная цѣна на газету „ЛЕМКО“ на цѣлый годъ:
Въ Австр.-Венгрію 4 К.
Въ Россію 2 руб.
Въ Америку 2 дол.
Поодинокій Н-ръ 10 г.
Обявленія по договору.

НАРОДНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НА ЛЕМКОВСКОМЪ ГОВОРѢ.

Н-ръ 40. Горлицы, середа (12 ноября) 30 октября 1913 года. Годъ III.

Русскій грôшъ до русскыхъ рукъ!

Еденъ генералъ выправляючи ся на вôйну повѣвъ:

Треба ми лемъ трьохъ рѣчей, а цѣла справа ми ся добре поведе. Перша рѣчъ, то пѣнязѣ, друга — пѣнязѣ, и третя рѣчъ — пѣнязѣ.

Такъ отже пѣнязѣ гнеска шытко робятъ. Счастливый народъ, котрый матеріяльно добре стоитъ и съ такымъ народомъ ворогы ся рахуютъ. Найлѣпшій прикладъ маме на Чехахъ, котры свое отрожденіе меже Нѣмцями зачали отъ матеріяльного пôднесеня ся.

Русскій народъ естъ — черезъ всѣхъ помитуваный, не уважатъ го нихто и нихто ся съ нимъ не рахуе. А тому шыткому — мы сами собѣ винни — бо мы сами даеме оружіе нашымъ ворогамъ и кажеме имъ самыхъ себе убивати.

Мы лемъ привыкли нарѣкати, же преслѣдуютъ насъ, нашу вѣру, же съ насъ собѣ нихто ничъ не робитъ. Такъ, то правда, же мы не зажываме такыхъ правъ, якы намъ приписала конституція, а съ якыхъ користаютъ другы народы нашой державы, але и то правда, же мы ничъ не хцеме съ тымъ бороти ся, лемъ чекаме — жебы намъ печены голубцѣ до устъ влетѣли. — Мы мусиме ся бороти и то не ма ся скôнчыти на словахъ, але на дѣлахъ. Мусиме мати средства до той нашой борьбы за русское имя, за русскую православну вѣру.

Кôлько то въ нашыхъ горахъ естъ такыхъ русскыхъ люди, што то разомъ съ Поляками и жыдами складаютъ свои пѣнязѣ на „военный фондъ“ для польскыхъ повстанцѣвъ, кôлько то въ насъ Русснакôвъ будуе разомъ съ Поляками по русскыхъ мѣсцевостяхъ польскы „kościółki“, польскы школы, охронки и пр.

Тыми сутъ шыткы тоты русски люде, што тримаютъ свои пѣнязѣ по польскыхъ и жыдôвскыхъ кассахъ. То сутъ найвекшы каты русского народа, русской церкви, бо то барже болитъ якъ вкуситъ свôй власный песъ, якъ чужій. Такы здрадникы русского народа, то естъ найвекшій нашъ соромъ!

Часъ бы ся намъ опамятати! Русскій грôшъ най иде до русскыхъ рукъ! Ты хлопе пôйдешъ, занесешъ до польской кассы — свôй кырваво запрацюваный крайцаръ, а Полякъ ся съ тя высьмѣе — якый ты ищи глупій и наплюе на твою народнôсть и вѣру — и буде тебе бивъ тымъ оружіемъ — што купитъ за доходъ съ твоихъ власныхъ пѣнязѣ.

А призрійме ся теразъ, якъ бы то добре было — якъ бы доеденъ нашъ крайцаръ бывъ лемъ въ нашыхъ русскыхъ кассахъ. — Кромѣ того, же достанеиъ процентъ отъ своихъ пѣнязѣ и то може лѣпшій, якъ по польскыхъ кассахъ — (пр. „Надежда“ въ Крыницѣ дае теразъ ажъ 6%) останутъ ищи грошы яко доходъ съ кассы, а тоты пѣнязѣ пôйдутъ лемъ на нашы русскы цѣли и потребы.

Хтожъ утримуе русскы бурсы, якъ не русскы кассы? А чи мало пѣнязѣ даютъ нашы кассы на „Русски Дружины“, читальни, народны домы и на всѣлякы другы народны потребы? Старайме ся жебы нашы кассы добре стояли, а втоды и мы дальше напередъ пôйдеме, бо грôшъ шытко робитъ.

Дальше, якъ ты небоже пôйдешъ лемъ до русской кассы, то и твôй ворогъ буде ся съ тобомъ рахувавъ, не буде южъ тя мавъ за вѣчно дурного, бо буде видѣвъ — жесъ южъ прозрѣвъ, а горе буде нашымъ ворогамъ, якъ збудится зо сну русскій народъ — бо велика и богата естъ русска земля, але ищи порядку въ ней нѣтъ.

Такъ отже опамятайме ся!

Нашъ кырваво запрацюваный грôшъ несме лемъ до русскыхъ касъ, не тримайме го въ коникахъ въ постелѣ, або за рамомъ, ани по пôльскыхъ ани жыдôвскыхъ кассахъ, бо то естъ велькій, не до дарованія, народный грѣхъ! — А памятайме, же здрадниками русского народа и русской церкви сутъ тоты нашы братя, што тримаютъ свои пѣнязѣ въ чужыхъ, ворожыхъ намъ кассахъ.

Русскій грôшъ до русскыхъ рукъ!

Якъ жыло ся русскому народу за часôвъ польскыхъ королѣвъ?

Въ старыхъ писмахъ захованыхъ при гр.-кат. церкви въ Тыличѣ нашлизме слѣдующій актъ, котрый представлятъ якыхъ способôвъ ужывали Поляки за часôвъ своихъ королѣвъ, жебы знищити русскій народъ, а натомѣстъ росширити Польщу.

Актъ тотъ естъ отписаный съ книгъ протоколу деканату мушинского, коли той урядъ коло 1682 справувавъ Михаилъ Мѣйскій, тогдашній деканъ мушинскій и спижскій, черезъ Симеона Щавницкого, пароха въ Поворознику, въ р. 1738. — Именно въ 1682 р. за епископа Іоанна Матаховского выбрано комисію — котра удала ся до Тылича — и тамъ перевела слѣдство о знищеной черезъ польскій рядъ русской церквѣ.

Вытягъ тотъ ма и то значенье, же служитъ яко опроверженіе Полякамъ — котры въ посьлѣдныхъ часахъ съ цѣломъ силомъ ударили на Тыличъ, а въ своихъ газетахъ дописуютъ нибы на историчныхъ актахъ оперты дописи шовинисты-историки, же Тыличъ бывъ съ давенъ давна польскомъ земльомъ и же ажъ пôзнѣйше завели ся тамъ русски люде.

Якъ то направду было увидѣме съ акту, котрый дословно изъ латинского языка ту переводиме.

Въ року 1682 дня 4 лютого пріѣхавшы до мѣсточка Тылича особы ниже пôдписаны, таку о церквѣ спрофанованой (сбещещеной) взяли реляцію:

Госп. староста Казиміръ Садовскій*) съ г. Кемпскимъ рахмайстромъ, пріѣхавши станули во дворѣ тылицкимъ. По двохъ годинахъ пришовъ до нихъ — латинскій ксендзъ тылицкій и потôмъ съ нимъ вышли вымѣнены господинове на плебанію (латинску), отталь послали по начальника громады Криштофа Былицкого обр. лат. абы шытокъ нарôдъ скликавъ пôдъ ратушъ, тожъ съ розказу начальника Добошъ обôйшовъ мѣсточко и бивъ въ бубенъ.

Внетъ нарôдъ ся зобравъ и годину чекавъ пôдъ ратушомъ. Потôмъ до нихъ пришли два лавники Данько Волошинъ съ Ястрябика и — Андрей Мотычка съ Крыницѣ и скликали шытокъ нарôдъ до плебаніи лат. — а якъ южъ ся зобрали шытки читано имъ декретъ съ р. 1681, черезъ Станислава Годпида Сегедого — писара мушинского. Потôмъ розказано народови выйти съ плебаніи, а ксендзъ польскій казавъ штырьомъ лавникамъ, Добошови, пôдданому Васкови и косьцѣльникови, абы пôшли до церквѣ (такъ гваривъ):

„Идте до церкви, не пущайте тамъ никого, жебы ми тамъ попъ дашто не взявъ, бо я знамъ, же шытко што тамъ есть то мое и будте тамъ на вартѣ доки мы не прійдеме“.

Потôмъ пôшли вымѣнены господинове и нарôдъ до церкви, де на фиртцѣ церковной читано декретъ, котрый написали въ лат. плебаніи, а бывъ такій:

Мамъ приказъ такій отъ князя — **ажебызме вамъ церковъ одобрали и што лемъ зробиме маме приказане отъ князя.**

Потôмъ староста розказавъ русскому священнику, жебы взявъ Найсвятѣйши Дары, але тотъ отповѣвъ:

Того не лемъ за цѣлый маетокъ свôй, але и за свою голову не зробю.

То естъ приказъ отъ князя — сказавъ староста.

Я мамъ приказъ отъ Бога — отповѣвъ зновъ священникъ.

Въ концѣ розказавъ староста польскому ксендзу взяти Найсв. Дары. Якъ тотъ выходивъ съ Найсв. Дарами съ церквѣ шытокъ русскій нарôдъ впавъ на колѣна въ церквѣ, на цвѣнтарѣ, дорозѣ, рынку и въ цѣлымъ мѣсточку Тыличу зробивъ велькій жалобный плачъ и нечуване нарѣканье. — Люде, котры яко гостѣ съ Венгеръ тамъ были, клякнули на колѣна — рыдали и жадали помсты: Господи, видишъ кривду того Дома Божого! — Ничъ то не помогло. По вынесеню Найсв. Дарôвъ церковъ замкнено, а Поляки, съ котрыхъ **лемъ двохъ и то лемъ двохъ** — осѣдлыхъ въ Тыличу съ грунтами было, такъ собѣ спѣвали:

Чогозме хтѣли, тогозме ся дочекали.

На другій день польскій ксендзъ съ органистомъ впавъ до русской церквѣ, шмарили ся заразъ до олтара, на котрымъ приносило ся Богу жертву и зо шыткого го обдерли, обрусы и иншы оздобы поздôймували, а потôмъ тотъ олтаръ самъ ксендзъ на трискы порубавъ — трискы спалили — порогъ отъ царскыхъ двери вырубали, образъ Найсв. Маріи сокиромъ розлупили, образъ, на котрымъ было 12 апостолôвъ вынесли съ церквѣ и шмарили до воды до рѣки, по котрымъ якъ по лавѣ переходили — другы образы, якъ принесли до церквѣ огня — **въ церквѣ спалили** — а де лемъ бывъ якій знакъ образôвъ або писма якого, то сокирками вырубали.

Окрѣмъ того для смѣлости **ксендзъ польскій и съ другими людми въ церквѣ палюнку пили** и до найдрôбнѣйшой рѣчи шытко съ церквѣ заберали. — Изъ дзвонницѣ заразъ два дзвоны, а предъ кôлькадесятъ роками другы два забрали, съ котрыхъ еденъ бывъ пожыченый съ Крыницѣ.

Якъ ся то такъ дѣяло, зновъ якъ попереднього дня плачъ, крикъ и нарѣканье русскихъ людей по цѣлымъ мѣсточку Тыличу. Въ кôнцѣ заказано пôдъ каромъ, абы тоту церковъ не называно — церквьомъ, лемъ капличкомъ.

Якъ поневѣрано ся на Руснакахъ доводитъ то, же Юрко Вавковскій (обр. русского) давалъ польскому ксендзу 10 злотыхъ, абы му позволивъ духовного до сповѣди, а того ніякъ не зробивъ (польс.

*) Тогдашній староста мушинскій.

В. Дж. Биркбекъ. 3)

Религійное преслѣдованіе въ Галичинѣ.

(Переводъ съ англійского С. Троцкого).

Первую подорожъ совершивъ я въ село Грабъ. — Выбравъ я его тому, що чувъ, що касательно упоминанія въ письмѣ Бобринского въ „Times-ѣ“ о преслѣдованіяхъ въ Грабѣ — польскіи его оппоненты выставляли на видъ тотъ фактъ, будто самъ ôнъ никогда лично не посѣщавъ той части Галичины и говорили — що ôнъ лишъ повторявъ утвержденія „политическихъ агентôвъ“ по слухамъ.

Мене сопровождавъ одинъ мôй знакомый по Львовѣ, котрый хотъ въ послѣднôмъ часѣ и не живъ въ тôмъ краю, однако провѣвъ тутъ дѣтство и юность, будучи сыномъ уніятского священника сосѣдного села. Для того ôнъ прекрасно знавъ тотъ край, и дѣйствительно, безъ его содѣйствія було бы невозможно — совершаючи путь фѣрою, найти дорогу посреди крутыхъ горныхъ путей отъ — одного села до другого.

Въ результатѣ моего изслѣдованія я убѣдився, що написанное графомъ Бобринскимъ въ „Times“ було дѣйствительно правдой, но нимъ було сказано меньше чѣмъ половина всей правды. Съ часу его письма дѣло пôшло дальше и пять другихъ селъ*) присоединились къ Грабу — оставивши унію и перейшовши въ православну церковъ.

Я розговорювавъ майже съ сорока крестьянами въ семôмъ Грабѣ и майже съ двадцятю изъ другихъ селъ — и съ кôлькома мѣстными уроженцями, встрѣтившимися менѣ на дорозѣ — когда мы проѣзджали два другіи села. Безъ всякихъ затрудненій можно було вступити съ ними въ розговоръ, тѣмъ бôльше, що тутъ — якъ и въ селахъ самой Россіи, крестьяне и дѣдичи всегда встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями доброжелательного иностранця.

Навѣть когда стемнѣло (бувъ пôздный вечеръ, когда мы достигли старого дома моего друга, гдѣ мы мали заночовати) и когда мы, проходячи черезъ село поздоровляли „Слава Іисусу Христу!“ — выраженіе употребляемое тими крестьянами, когда мы говоримъ: „**Good day**“, или русскіи „здравствуйте — (латинское „**salvete**“), сейчасъ же отвѣчали обычнымъ „Слава и нынѣ и во вѣки“ — они були готовыи говорити съ нами, якъ будтобы мы були ихъ старыи знакомыи. Невозможно тутъ розсказати — навѣть десятой части тихъ жалобъ, котрыи я слышавъ. То я надѣюсь сдѣлати потôмъ въ другôмъ мѣсцѣ.

Ихъ возмущеніе началось вслѣдствіе посагательства одного священника, грубого украинофила, посланного епископомъ въ Грабъ, щобы ввести латинскіи новшества, не находящіися въ ихъ богослужебныхъ книгахъ и щобы принудити ихъ говорити на языцѣ — котрый польское бôльшинство въ мѣстнôмъ — галицкôмъ сеймѣ сдѣлало оффиціяльнымъ, но котрый въ дѣйствительности не естъ языкомъ ни одной части въ Галичинѣ и — котрый для Лемкôвъ совершенно непонятенъ.

Тотъ „языкъ“ естъ якая-то мѣшанина изъ трохъ малорусскихъ нарѣчій въ Галичинѣ, а также и изъ другихъ нарѣчій въ Волыни и самой Малороссіи съ великою примѣшкою польскихъ слôвъ и выраженій. Въ дѣйствительности то естъ якій то истинный жаргонъ, видъ мѣстного эсперанто, и головная цѣль — котрую преслѣдовали при установленіи е. о будовы и его ортографіи — то образованіе чого то такого, що мало бы возможно бôльше отличатися отъ звычайного лите-

*) Названія ихъ (я передаю ихъ — якъ менѣ сказали, разомъ съ измѣненными польскими названіями на картѣ): Вышеватка (**Wyszowadka**), Долгое (**Dlugie**), Липна (**Lipna**), Черное (**Czarne**) и Незнаево (**Niez ajo a**). Я посѣтивъ три изъ тихъ селъ и розговорювавъ съ мѣстными крестьянами.

ксендзъ) и такъ безъ сповѣди мусѣвъ умерти.

Тото шытко зôзнали цѣле мѣсточко Тыличъ, де было сто господарей и пôдъ присягомъ, же не иначы было, потвердили. Слѣдуютъ имена.

Слѣдство то переведено въ 1682 р. 4 лютого черезъ мене Петра Камѣнского викарого епископа перемышльского въ присутности моей, Михаила Мѣйского — официяла, въ присутности моей, Іоанна Банковского, официяла и въ присутности моей, Якова Сембратовича — официяла бицкого.

Писмо въ Редакцію.

„Русская Дружина“ въ Тыличѣ проситъ насъ о напечатаніе слѣдующого — „Возванія“:

Дорогіи Земляки!

Тяжке наше положеніе въ Тыличѣ. Поляки изъ всѣхъ сторонъ ударили и хотятъ насъ знишити — хотятъ затерти слѣдъ русскости. Съ цѣлого краю наплываютъ жертвы на спольщеніе Тылича. — Недавно академична молодежъ въ Новымъ Санчѣ устроила вечерокъ, а доходъ предначила на „Polski dom“ въ Тыличѣ.

Часто загощаютъ до насъ польски учителе съ рôжныхъ сторонъ и проповѣдуютъ ненависть до русского народа и русской церкви.

Во виду того мусѣли мы — русски люде призадумати ся ближе надъ собомъ, якимъ бы способомъ дати отпоръ нашему врагу. Дѣло розпочали мы отъ организаціи нашей русской молодежи, бо молодежь то наша будущность.

Предъ трема роками основали мы О-во „Русская Дружина“. — Чтобъ то Общество могло лѣпше розвиватись заложили мы предъ рокомъ свой оркестръ. Благодаря нашей усильной роботѣ маеме южъ зверхъ 200 членовъ. Вообще у насъ такъ зле бы не было. — Недостае намъ лемъ гроша, бо выдатку мѣсячно маемо на оркестръ до 50 К.

До того часу переважно сами мы ся складали, однакъ гôрше представлятъ ся рѣчъ на дале. Протое симъ путемъ звертаемъ ся до родныхъ нашихъ Братей въ Америцѣ, прежде всего до нашихъ розкиненыхъ по Америцѣ Тыличанъ, абы о насъ не забывали, жебы ишли путемъ своихъ славныхъ предковъ — и не дали загинути русскому народу и русской — церкви въ Тыличѣ.

А сповнятъ свôй обовязокъ тогда, если прійдутъ намъ — хотяй зъ маломъ жертвомъ въ користь нашего Общества, которое намѣряе построити у себе „Народный Домъ“.

Жертвы просиме высылати на адресъ: **„Русская Дружина“ въ Тыличѣ.** Жертвы и найдрôбнѣйши пріймемъ съ сердечнымъ благодареніемъ.

А. Андрейко, А. Хованецъ, А. Кроликовскій, Т. Хованецъ, Ст. Бабей, Ем. Андрейко, Гр. Сенко, Гр. Чеканикъ, Эм. Нестеракъ.

Жиды забили хлопця до мацъ.

Дня 20 марця 1911 року припадково нашли люде въ едній печерѣ коло Кіева забитого хлопця. — Слѣдство выказало, што тымъ забитымъ хлопціомъ естъ Андрей Ющинскій, ученъ кіевской духовной школы. Мавъ вôнъ 12 рокôвъ и вчивъ ся добрѣ. На тѣлѣ іого не видно было жадныхъ бôльшихъ ранъ — лемъ маленки значкы, та якъ бы дахто шиломъ поштыхавъ. Такыхъ значкôвъ было 7 на головѣ, 13 на правôмъ пульсѣ коло ока, а еденъ на лѣвôмъ, 7 на правій сторонѣ карху, 2 на Адамовôмъ ябку на гыртани и една нижше ябка, 4 на правôмъ боцѣ пôдъ пазухомъ, 4 на правôмъ хырбетѣ ниже правой лопаткы, 7 значкôвъ на лѣвій сторонѣ грудей пониже цицка и еденъ значокъ на головній жилѣ. Еденъ такый штыхъ на грудіохъ бывъ смертельный — бо зранивъ серце.

Заразъ судъ закликавъ найлѣпшихъ докторôвъ, котры вчатъ другыхъ на докторôвъ и они збадали трупа и повѣли, же раны тымъ шиломъ, ци може шпилькомъ на головѣ и на гыртани были заданы, якъ ищи хлопецъ бывъ цѣлкомъ здорôвъ. Якъ Ющинскій ищи живъ, та звязали му рукы и заткали гамбу — въ тотъ способъ, же долôшню щеку притиснули мôцно до горѣшніой. — Якъ ужъ хлопецъ ледво дыхавъ, тонковъ швайкомъ ци може шиломъ або шпылькомъ зранили му серце и вôнъ заразъ сконавъ, але перше барзъ долго ся мучивъ.

Тыма малыма ранами вышва зъ ніого правѣ вшитка кровъ, такъ же барзъ мало кырви въ нѣмъ ся лишиво. Въ печерѣ де нашли трупа того хлопця, не было ніякыхъ слѣдôвъ, жебы іого дахто тамъ забивъ, и зъ того выходитъ, же Ющинского де инде забили, а до печери ужъ го забитого привезли. Способъ забитя вказуе на то, же тымъ, котры забивали розходило ся о то, жебы якъ найбôльше кырви зъ ніого зышло.

12 марця 1911 р. малый 12-лѣтній хлопецъ Андрей Ющинскій вставъ рано, обмывъ ся, выгваривъ „Отче нашъ“ — зъѣвъ кусъ пôсного борщу, што ся лишивъ зъ попередніого дня — тай взявъ книжкы и скрептурки и пôшовъ до школы. Але того дня ужъ въ школѣ не бывъ. ани домôвъ ся не вернувъ. Мати мышлѣва, же ей сынъ зашовъ до теты, якъ то ужъ не разъ бывало, тай собѣ тамъ ночуе — але якъ ся довѣдала на другый день рано, же сына цѣлкомъ въ теты не было, зачала го глядати и пришла до — редакціи нѣбы русской газеты — бо по русскы ся пише, але пишутъ сами жиды,

ратурного русского языка — щобы принудительно выучивши такъ дѣтей — въ школахъ и при преподаваніи Закона Божія, власти могли постепенно сдѣлати для нихъ недоступною русскую литературу, а за тѣмъ, посредствомъ молитвенникôвъ, содержащихъ латинскіи молитвы, переведенныи на новое нарѣчіе, уничтожити ихъ привязанность до православного преданія, до сихъ поръ сохраняемого въ ихъ церкви.

Такій способъ дѣйствій веде за собой и то слѣдствіе, що ôнъ разомъ съ тѣмъ дѣлае ихъ неспосôбными читати — або понимати старо-славянскій языкъ — на котрôмъ (якъ и въ Россіи) совершае ся ихъ богослуженіе.

Та политика Поляковъ безъ сомнѣнія, дуже пригодна для іезуитôвъ, бо въ тôмъ случаѣ — если бы она увѣнчалась успѣхомъ, народъ переставъ бы понимати, що читаеся въ церкви — що послужило бы прекраснымъ предлогомъ для замѣны славянского языка — латинскимъ.

Но она роздражае рутенскихъ крестьянъ въ Галичинѣ — понимающихъ и любящихъ свое церковное богослуженіе, тѣмъ бôльше, що общее пѣніе на старославянскôмъ языцѣ въ церквахъ роспространено тутъ повсюда,

Дѣйствительно, недовольство изъ-за языка въ тихъ селахъ такъ сильно, якъ и недовольство изъ-за богослужебныхъ нововведеній.

Одинъ за другимъ говорили менѣ, що украинофильскіи священники говорятъ на проповѣдальнѣ и исповѣдальнѣ на непонятнôмъ для нихъ языцѣ, що они стараются отдѣлити дѣтей отъ ихъ родителей — учатъ ихъ молитися на тôмъ языцѣ — що азбука, котрой ихъ мальчикôвъ учатъ въ школахъ, мѣшае имъ читати Апостолъ и Псалтырь въ церкви — когда приходитъ ихъ очередъ, якъ всегда дѣлали ихъ отцы и дѣды.

Переводъ молитвы Господной на тотъ новый „языкъ“, навязываемый дѣтямъ вмѣсто старо-славянского перевода, особенно оскорбляе ихъ. Изъ 53 словъ, котрыи уже девять вѣковъ — привыкли употребляти для молитвы Господной — 21 уже замѣнены, а въ 17-ти — въ котрыхъ славянскій текстъ замѣнити не было можно — измѣнено правописаніе такъ, що они маютъ видъ слôвъ, инакшихъ отъ слôвъ ихъ богослужебныхъ книгъ.

Такимъ способомъ — тôлько 15 слôвъ во всей молитвѣ осталось незмѣненными.

Когда крестьяне Лемки показовали его менѣ, то хотя я и мôгъ видѣти, що тотъ новый переводъ содержитъ немало простацкихъ слôвъ, но все же эпитеты „поганый“ и „богохульный“ — казались менѣ неумѣстными.

Не рѣшаючись бути знатокомъ въ точныхъ оттѣнкахъ смысла розличныхъ мѣстныхъ нарѣчій, я кôлька недѣль тому показавъ тотъ переводъ въ Москвѣ чоловѣку прекрасно знакомому съ малорусскимъ нарѣчіемъ, и особенно звернувъ его увагу на слово „нехай“, противъ котрого они особенно возражали и котрымъ въ трехъ первыхъ прошеніяхъ Молитвы Господной замѣнена була славянская частица „да“, выражающая пожеланіе. Ôнъ розсмѣявся и сказавъ:

„Ну, я не удивляюсь, що они не могутъ примиритися съ словами „нехай буде воля Твоя“. Если бы я ставъ убѣждати васъ въ чôмъ будь на малорусскôмъ языцѣ и менѣ не ставало терпцю, я готовъ бы сказати „надоѣли вы, заберайтесь вы“, то я мусѣвъ бы употребити именно тѣ слова“.

И вотъ такому-то выраженію учатъ уніятскихъ дѣтей, вмѣсто знакомыхъ и величавыхъ слôвъ, котрыи прекрасно понимаются всѣми народами славянского племени: „да будетъ воля Твоя!“

(Дальше буде.)

и просила, жебы въ газетѣ оголосили — же деси ся подѣвъ ей 12-лѣтній сынъ Андрей.

Редакторы — жиды, не лемъ же оголосили въ газетѣ, же Андрей Ющинскій деси ся подѣвъ — але не знати зъ якой причины зачали сами нѣбы то хлопця глядати. И цѣкава рѣчъ, якъ то они находили убійцôвъ. Якъ ужъ хлопця нашли редакторъ-жидъ Борщевскій повѣвъ поліціянтамъ, же Ющинского забили — родичи, бо они якъ глядали сына, та не плакали.

Поліція ихъ заразъ арештувала, але якъ другы свѣдкы христіяне зознали — же обое и отецъ и мати барзъ плакали, та по двохъ тыжняхъ выпустили ихъ зъ криминалу.

Люде въ мѣстѣ зачали бесѣдувати же хлопця такой сами жиды забили на мацы. Якъ лемъ зачали ходити такы поголоскы — заразъ на поліцію пришовъ другый жидъ-редакторъ Ордынскій и повѣвъ, же вôнъ чувъ, якъ якаси тамъ баба на мѣстѣ бесѣдувала, же хлопця забила сама мати, бо хотѣла зъ касы взяти іого гроши.

На слѣдствѣ выяснило ся, же мати сына барзъ любила и же тото, што повѣдавъ жидъ-редакторъ то по просту — брехня. Зачали пôдозрѣвати, же хлопця забивъ такой жидокъ Менахиль Мендель Бейлисъ и іого 3 серпня 1911 року арештували.

Якъ ужъ арештували жидка зачавъ ся страшный рейвахъ. Жидъ-редакторъ, Бразуль-Брушковскій пришовъ на поліцію и повѣвъ — же Ющинского забили злодіе, бо вôнъ знавъ, же они крадутъ, та они, жебы ся го позбыти, забили го въ домѣ Чеберяковой, въ котрôмъ они сходили ся и на стѣнахъ лишили ся отъ кырви знакы.

Судъ закликавъ найбôльшихъ знавцôвъ-докторôвъ, котры збадали плями на стѣнѣ и повѣли, же тоты плямы абсолютно не сутъ зъ кырви, але по просту зъ пороху.

Якъ ся ужъ жидикамъ не вдало нійакъ Бейлиса зъ криминалу вызволити — взяли ся на новый способъ. Они пôдмовили неяку Чеберякову, зъ сыномъ котрой малый Ющинскій ходивъ до школы и бавивъ ся, жебы она зъ нимъ поѣхала до мѣста Харкова и обѣцявъ заплатити ей билетъ и дати ищи на дорогу. Баба радо на тото пристала и 5 грудня 1911 р. поѣхала разомъ зъ жидомъ Бразульомъ Брушковскымъ до Харкова. Тамъ запровадили ей передъ якогоси пана, якъ ся потôмъ показало передъ жида адвоката, котрый намавлявъ ей, жебы она взяла на себе тото убійство, а дôстане за то читердесять тысячей рублôвъ, то есть сто тысячей коронъ. Кримѣналу не мае ся што бояти, бо жиды вышлютъ ей заразъ за границю и никто ей не зѣматъ. Баба ся на тото не згодила и такъ съ ничимъ вернула ся назадъ до Кіева.

Андрей Ющинскій въ тотъ день — якъ вышовъ зъ дому, вступивъ до сына Чеберяковой, той, котру жиды намавляли, жебы взяла на себе вину, и съ ей сыномъ и дѣвчатомъ пѣшовъ до фабрикы, де ся дѣти звычайно бавили. Въ фабрицѣ такымъ деректоромъ бывъ жидъ Бейлисъ, и вôнъ, якъ лемъ видѣвъ дѣти, все ихъ выганявъ.

Въ тотъ день Бейлисъ тѣжъ пустивъ ся за дѣтми и зѣмавъ сына Чеберяковой, але вôнъ якоси ся му вырвавъ и втюкъ зо сестромъ, Ющинского же Бейлисъ потôмъ зѣмавъ и затягнувъ до гайцу въ фабрыцѣ. — Отъ того часу Ющинского живого никто нигде ужъ не видѣвъ.

А теперь зачинаютъ ся появляти дива. Докторъ, котрый по смерти Ющинского бывъ при нимъ, робивъ операцію и повѣвъ, же то певно жиды го забили, бо зъ ніого выпустили кровъ, въ коротôмъ часѣ вмеръ и вшиткы бесѣдуютъ, же то жиды го стровили. Хлопецъ и дѣвча Чеберяковой, котры бавили ся разомъ зъ Ющинскымъ въ фабрыцѣ и видѣли, якъ го Бейлисъ затягнувъ до гайцу — повмерали, а докторъ повѣвъ, же то на дизинтерію, а люде повѣдаютъ, же ихъ жиды потровили, жебы не мати свѣдкôвъ противъ себе.

И на розправѣ свѣдокъ повѣвъ, же якиси жидокъ, убраный зъ паньска, давъ дѣтомъ цукеркôвъ — отъ котрыхъ едно вмерло въ ночи, а друге на другый день.

Адже такъ ся мае тота цѣла справа.

Якъ жые ся въ Австріи православнымъ людямъ?

Въ числѣ 1188 „Прикарпатской Руси“ появило ся писмо Василія Мурина — православного селянина съ Ляцкого великого.

Въ письмѣ тымъ скаржытъ ся В. Муринъ, же отъ часу якъ перейшовъ на вѣру своихъ прадѣдовъ — не зажыватъ такыхъ правъ, якъ перше, на прикладъ яко резервиста за „вафенибунгы“ не достае запомоги, што перше яко уніятъ — доставалъ, и инше. А дальше пише якъ заховуютъ ся власти взглядомъ православныхъ людей въ Ляцкôмъ великôмъ.

„Уніяты и римо-католикы безъ перешкоды направляютъ свои стары будынкы, а православного, якъ залататъ дѣру на даху, котра съ причины бурьи повстала, то заразъ власти карютъ и жадаютъ, жебы дôставъ на тото концессію.

У уніята або римо-католика песъ лѣтатъ на свободѣ, а у православного — якъ есть песъ, то хоцъ лежитъ день и нôчъ ввязаный на ланцуху, но якъ бреше, то заразъ го забиваютъ, яко встеклого, а господаря карютъ и на протягъ 3 лѣтъ заказуютъ тримати пса, съ чого корыстаютъ злодѣе“.

А дальше естъ написано, якъ жандармы обходятъ ся съ православными людьми въ часѣ богослуженія.

„27 линпя с. р. н. ст. жандармъ Сѣрко въ часѣ богослуженія гверомъ отганялъ селянина С. Цымбалу отъ церкви, хоцъ ôнъ стоявъ на публичнôй дорозѣ. 29 ст. ст. червня с. р. жандармъ Вознякъ „w imieniu prawa“ съ крикомъ вышмаривъ сел. С. Захарчука съ церкви въ часѣ Службы Божой. 19 жовтня с. р. жандармъ Вознякъ два разы старався перервати богослуженіе и розôгнати молящыхся, два разы кричалъ черезь окно отворене голосно, кôлько лемъ мôгъ: „въ имени права вамъ не вôльно молитися“, а при тôмъ цѣлювавъ съ гвера и хтѣвъ стрѣляти. То было въ часѣ Утрени, а въ часѣ Службы Божой тотъ самъ жандармъ гверомъ отганялъ люди отъ церкви.

Шытко то я видѣвъ и прежывъ и можу удовôднити сьвѣдками“ — пише дальше православный Муринъ.

Не знаютъ каты русского народа, же кромѣ суда ту на землѣ, котрого такъ легко уходятъ, буде судъ Божій, а того не уйдутъ!

НОВОСТИ.

Отъ Редакціи. При 40 числѣ нашей газеты „Лемко“ розсыламе яко додатокъ до газеты цѣнникъ издательства **Е. И. Фесенко,** въ Одессѣ. Хто хтѣвбы собѣ спровадити якы образы Святыхъ най ся удастъ по указаннымъ адрессѣ. Можна такъ само отъ того издательства спровадити собѣ добры книжкы, въ котрыхъ пише ся о злыхъ скуткахъ, якы поводуе піянство.

Въ загалѣ звертаме увагу нашимъ подписчикамъ, жебы тамъ лемъ удавали ся съ всякомъ покупкомъ чито образôвъ чи книжокъ, бо тамъ можна то все достати, а цѣна въ порôвнаню съ другыма естъ барзъ низка.

Якъ „Україньцї“ помагаютъ голоднымъ. — Якъ намъ естъ вѣдомо лемъ украински общества достали запомогу отъ державы, жебы могли прійти на помôчъ русскому селянству. Якъ они прибігаютъ съ томъ помочію, то найлѣпшій прикладъ видиме съ писма людей съ села Балучины, высланого ними до „Прикарпатской Руси“:

„Мы — господаре села Балучина замовили ищи 15 (23) вересня 11 метрôвъ пшеницѣ для озимины въ „Сільскôмъ Господарѣ“. — До теразъ то естъ до 13 (26) жолтня, той пшеницѣ мы не достали. Вѣчно пишеме до нихъ и достаеме таку отповѣдь:

„Въ тыхъ дняхъ пшеницю высыламе“.

Такъ намъ писали ищи 2' вересня. А ищи просятъ, жебы мы прислали решту грошей и жебы мы написали имъ „похвальне письмо“ за пшеницю — бо они хтятъ го показати краевому правленію.

И штожъ намъ робити? Пшеницѣ не присылаютъ, забравши хлопски пѣнязѣ и ищи, кобы здравы, сьмѣяти ся будутъ. Часъ для озимины минувъ — а они не лемъ, же намъ не вернули задатку, але ищи намъ наробили шкоды, за што мы ихъ мусиме подати до суду!“

Такъ „Українцї“ дбаютъ о хлопа! Давнѣйше писали польскы газеты — же еденъ съ директорôвъ „Сільского Господаря“ вкравъ велькы тисячы хлопской запомогы и втюкъ до Америки.

Гимназіяльни ученики взломщиками. Трьохъ учениковъ съ гимназіи въ Новôмъ Санчѣ отъ долшого часу занимали ся злодѣйствомъ и де лемъ могли — тамъ розбивали замкы.

Остатній разъ такій взломъ зробили въ реставраціи Вандлера. Двохъ полиція злапала, а головный виновникъ Дембскій втюкъ и длятого судъ объявилъ публикацію о пошукуваню го.

Тыми днями удало ся того Дембского злапати въ Освенцимѣ правѣ якъ хтѣвъ преступити границю. Поліція нашла при немъ 300 коромъ, котры вкравъ въ Санчѣ.

Участникъ Дембского — Бохенекъ, ученикъ VII. кл. гимн. бывъ арештованый

але судъ пустивъ го за кавцію, ôнъ тымъ часомъ втюкъ до Америки.

Вмерла найстарша женщина на Венграхъ. 28 жолтня вмерла на Венграхъ найстарша женщина Франциска Горватъ. Уродила ся ищи въ року 1799, 15 жолтня. Лишыла 37 внукôвъ и 11 правнукôвъ. — До кôнця жытя заховала добру память, взагалѣ добрѣ ся тримала — а навѣтъ безъ окулярôвъ читала.

Овочъ яко лямпа. Въ полудневой Америцѣ росне дерево орѣхове, котрого овоча тутейшы мешканцѣ — не лемъ за покармъ, але и за сьвѣтло ужываютъ. — Овочъ тотъ палитъ ся бесъ дыму. Сьвѣтло його естъ дуже добре и спокôйне, запалятъ ся дуже легко. Кромѣ того съ натуры овочъ естъ предѣравленый такъ вздолжъ, же легко го можно умѣстити на лѣхтарѣ. Овочъ тотъ у тамтейшыхъ люди называтъ ся „запакая".

Рѣдкій выпадокъ. Во Франціи той осени розпочали войскову службу трояки: Феликсъ, Павелъ и Генрыкъ Бергаймы. Выпадокъ такій естъ дуже рѣдкій, жебы трьохъ въ еднымъ часѣ уродженыхъ братей разомъ отбывали войскову службу. Служатъ они въ еднымъ пулку при пѣхотѣ. Уродили ся въ Парижѣ — де ихъ отецъ тоже служывъ при войску.

Автомобиль влетѣвъ до хыжы. — Въ Пруссахъ наѣхавъ автомобиль — на еденъ сельскій дôмъ, пребивъ стѣну и впавъ до хыжы и тамъ поранивъ смертельно три особы. — Дôмъ въ части ся заваливъ, а автомобиль цѣлкомъ ся розтрепавъ.

Просиме чѣмъ скорше о вырôвнанье залеглостей за газету „Лемко".

Съ господарства.

IV.

Чулисте мои коханы, гваритъ Панько, якъ розпознавати мате грунтъ — ци естъ пѣскови, глинясти, порôхничи ци вапнясти; была бесѣда о почвѣ и пôдпочвѣ и довѣдалистеся, же пôдпочва велькy ролю отгрыватъ въ грунтѣ, длятого кожди зъ васъ повиненъ докладно познати свôй грунтъ, а коли го познате, будете могли зъ векшимъ пожиткомъ на нѣмъ працувати, бо будете могли отповѣдно го поправити.

А вы Паньку мовили перше — одозвался еденъ газда — же намъ будете оповѣдати на лукахъ и ихъ поправѣ — тымъ часомъ вы розгадалися о грунтахъ.

Бодай ти пекъ было, яки не терпячи. Твоя баба кедъ хоче зготовити чиру, мусить найперше мати муку, правда? — мусить ити по воду, мусить горнецъ вымыти, а кедъ естъ южъ вымыти, мусить го хоцъ сполокати, потôмъ наляти воды, заставити до пеца, а коли вода скипитъ, трохи воды отляти и такъ ажъ засыпати; мысмо пересѣяномъ мукомъ.

Видишъ же човече Божи, то вшитко мусить ити по порядку.

Розумѣеся на розпознаваню якости грунту, якъ табака въ розѣ, не чувъ ничъ на якимъ грунтѣ яки рослины зъ пожиткомъ для газды удаются; мовю зъ пожиткомъ — бо не велька штука поле зъорати, посѣяти зеренце, заборонити и запропастити го, жебы хôсна зъ нього не было, бо на то сѣеме, жебы мы зъ нього, кедъ насъ Богъ поблагословитъ, мали стокротни хосенъ.

Такъ брате. — Ты мусишъ познати свôй грунтъ, а коли го познашъ, будешъ знавъ, коли де на яки фалатокъ поля пôдешъ орати; и такъ, глинястого грунту не будешъ завчасу зъ весни орати, докаль ищи мокри, бо якъ го зъорешъ на мокру, то шкода роботы, бо хôсня вельо зъ нього не буде; такъ само не будешъ чекавъ ажъ ти барзъ засхне, бо го не зъорешъ — а противно грунтъ пѣскови будешъ оравъ хоцъ ищи мокряви и зъ нимъ не тра ждати долго — жебы ажъ барзъ высохъ — бо не буде мавъ ничъ вѣльготи, а товди якъ бы не было долго дощу, то потеряшъ вельо.

Знаючи якôсть грунту, ты човече не будешъ сіяти пшеницѣ на грунтѣ пѣсковôмъ — бо пшениця любитъ грунтъ глинясти, жито зновъ противно, не будешъ сіявъ на грунтѣ глинястôмъ, лемъ пѣсковôмъ и остаточно на глинковôмъ.

Дальше ты брате мусишъ познати розвôй рослинъ, поживу рослинъ, а што навозъ отгрыватъ головну ролю, тому мусишъ запознатися зъ навозами, а то познавши, можеме ажъ товди приступити до лукъ. Отъ видите, такъ мусить ити вшитко въ порядку.

Глинясти грунтъ.

Глинясти грунтъ естъ таки, въ котрôмъ естъ глины веце — якъ иншихъ складникôвъ. Пѣску и вапна въ глинястôмъ грунтѣ мало, длятого таки землѣ до оброблення сутъ тяжки; треба отже мôцного плуга и мôцной худобы. Глина збиватся сильно — тому не перепущатъ воды и длятого таке поле естъ вѣлготне, а и мокре.

Поле глинясте не треба орати за мокра, бо коли высхне, поробится на нѣмъ груда, же бороны не потрафлятъ ей покрушити; — не треба тыжъ ждати ажъ барзъ высхне, бо товды на таке поле зъ плугомъ не выходь, бо го не потрафитъ зъорати, такъ стверднe.

Сама чиста глина мокра дастъ ся мѣсити въ пальцяхъ, якъ тѣсто и така земля естъ для газды правѣ безъ вартости. — Понеже глиняста земля пріиматъ барзъ вельо воды до себе и тота вода не легко выпаровуе — длятого глинясти землѣ називаются зимными землями, бо

зъ причины барзъ вельо назбираной въ нихъ воды трудно огрѣваются.

Поле таке повинно навозитися навозомъ свѣжимъ мервястымъ не перегнилымъ ици добрѣ, бо такій навôзъ поле трохи спульхнитъ, чимъ улекшитъ приступъ повѣтря до середины. Навôзъ розкладатся въ глинястôй земли помалу — тырвать отже долго, длятого глинясте поле повинно навозитися навозомъ, якъ мовю, мервястымъ, але мôцно, а не часто, бо ту запасъ разъ навезеного навозу — буде тырвавъ келя роковъ.

Барва грунту глинястого естъ по выораню звычайно жолта — або темнобрунатна, што походитъ отъ домѣшки желѣза, порохнявки и иншихъ домѣшокъ.

Хоцъ въ глинястой земли естъ велькe богацтво нагромадженого рослинного поживлѣня для рослинъ, то помимо того глинясты землѣ не сутъ найурожайнѣши, а то попросту длятого, што трудно ихъ добрѣ управити и што на нихъ озимина вымерзатъ.

На глинястыхъ грунтахъ — удаеся лѣпше пшеница якъ жито, удаеся такожъ ярецъ и овесъ. Кедъ выпаде сухе лѣто будутъ и бандури (компери) красны, але лойоватого смаку, якъ мыдло. На поли не барзъ мокрôмъ удаются буряки.

(Дальше буде).

Лемковски Пѣснѣ.

Качмаречка.

Ишли, ишли сой два братя
Съ Собѣнова до Дранова,
Прійшли они до корчмарки
До молодой качмаречки.

* * *

„Качмаръ, качмаръ, качмаречка
Дай намъ вина, дай намъ пива,
Дай намъ вина безъ мѣряня,
Мы пѣняжки безъ читаня.

* * *

Дай намъ пити до келюшка,
Мы пѣняжки до фартушка“.
Она сама не вынесла,
Бѣлымъ чадомъ имъ послала.

* * *

Качмаръ, качмаръ, качмаречко:
„Чіежъ то вы чадо мате,
Чи естъ ваше служебное,
Чи естъ ваше власненькое?“

* * *

„Нѣ естъ мое служебное,
Нѣ естъ мое власненькое,
Лемъ естъ въ мене заставлене
За сто златыхъ, за червеныхъ
И за перстеникъ сриберный“,

* * *

„Качмаръ, качмаръ, качмаречко
Лемъ намъ позволь ночку спати,
Вернеме ти тыхъ сто златыхъ
И перстеничокъ сриберный!“

* * *

„Илюсь, Илюсь, красна дѣвко,
Возьми сой свѣчку воскову,
Идий постель постѣлъ свою!“
Она пôшла, тай стелила
И гôренько барзъ плакала!

* * *

„Илюсь, Илюсь, красна дѣвко,
Чомъ ты плачешъ такъ барзъ
(гôрко?“
„А я плачу, бо мамъ чого,
Бо мя збавилъ вѣнка мого,
Вѣнка мого зеленого
И личенька румяного,
Дрѣчку мого тоненького,
Ходу мого дрѣбницького!“
. . . .

сообщилъ Теофиль В. Курилло.

Оголошенье.

Дня 9 листопада т. р. група театральна при Обществѣ „Русская Дружина“ въ Тыличѣ давала театральне представленіе „Мужики аристократы“ — въ Крыницѣ.

На тоту недѣлю т. е. 16 листопада т. р. отбуде ся тото саме представленіе въ Лабовой — стараніемъ „Русской Дружины“ съ Тылича.

Запрашаме протое всѣхъ сусѣдныхъ селянъ на тото представленіе.

По представленію буде забава вразъ съ танцями. — Музика власна „Русской Дружины“ съ Тылича.

Початокъ о годинѣ 6 вечеромъ.

„Русская Дружина“
въ Тыличѣ.

Изъ Липовця.

Дорогіи читатели Лемка, дѣлю ся съ Вами дуже сумномъ новиномъ, понеже еденъ изъ найлѣпшыхъ нашыхъ русскыхъ лемкôвскыхъ священниковъ сили днями скончалъ ся, а именно О. Николай Волошиновичъ, котрый прожывъ въ нашомъ селѣ яко парохъ 37 лѣтъ.

Бывъ то священникъ и человѣкъ, якыхъ дуже мало, правдолюбъ; покора, незахланность, тверезость и терпеливость то черты характера того человѣка.

Сохрани Господи было при тôмъ человѣку сказати — хотяй бы крыхотку неправды, або въ бесѣдѣ сказати польское або англійское слово, якъ то где некто изъ нашыхъ Американовъ навыкъ при розмовѣ уживати изъ англійска — напримѣръ есеръ носеръ и т. д., хотяй самъ дуже добре знавъ по англійски и писати и говорити, а навѣтъ въ потребѣ писавъ людямъ просьбы по англійски до кампаній американьскихъ и т. д.

Знайшовъ есь человѣче у покойного О. Николая на все пораду, чито въ господарцѣ, чито въ недугахъ — у него была наука якихъ мало бувало.

Прійшовъ есь человѣче на плебанію чито въ даякой потребѣ, чи такъ поговорити, то покойный Отецъ сейчасъ зайшли въ бесѣду то о свѣтскихъ наукахъ, о чужыхъ краяхъ, о моряхъ, о мѣсяцю, о рыбахъ, о звѣряхъ, яки давно существовали, а яки теперъ существуютъ, о давныхъ вôйнахъ, то показовали величину свѣта на мапахъ, то гварили о новыхъ вынаходахъ, о выробахъ, о рослинахъ, яки знайдуютъ ся по чужыхъ краяхъ, въ морѣ и т. д.

Покойный О. Волошыновичъ засновали въ Липовци — читальню им. Мих. Качковского и были ей членомъ до кôнця жытя и пôдтримували ей и грошами и книжками — котрыхъ то книжокъ въ нихъ безчисленно было всякого рода по вартости перейшло 1000 коронъ.

Покойный О. Ник. Волошиновичъ числили 74 лѣтъ жытя, упокоили ся 23 октября т. г., а похоронъ вôдбувъ ся 27 октября, на которомъ було 8 священниковъ межы ними штырьохъ истиннорусскихъ, а именно О. Вахняній, О. Кмицѣкевичъ, О. Ханатъ изъ Чертежного — Угорщина и О. Жубридъ.

На похоронѣ брало участь множество народа не только изъ тугейшого села, але изъ другыхъ селъ — якъ изъ Черемхи, Даліевы, Волѣ вышной и нижной, Королика, Шкляръ, Дошна, Зындрановой, Тылявы.

Школьныи дѣти изъ мѣсцевою учителькою провадили на цвинтаръ своего отца духовного, которому принесли величавый вѣнецъ приукрашеный лентами — лентами изъ надписомъ:

„Дѣти школьныи своему Найдоросшому Пароху“.

Другій вѣнецъ бувъ вôдъ членовъ читальнѣ съ написомъ:

„Члены чит. им. Мих. Качк. въ Липовци своему дорогому члену предсѣдателю“.

На кладбищи по похоронной одправѣ выголосивъ проповѣдь О. Вахнянинъ изъ Суровицѣ — при чимъ вспôмнувъ о дѣятельности покойного и о его трудахъ въ дѣлѣ просвѣты, а то такъ жалосно, же не было человѣка‘ котрому бы не потекли слезы, а где некотры голосно рыдали.

Господь нехай прійметъ душу праведника до царства своего, а земля най будетъ Ему перомъ.

Дякъ мѣстцевый.

Поглядайте въ обистю старыхъ книжокъ и листôвъ!

Стары книжки и листы, писаны рукомъ и друкуваны, всякого рода и содержанія, — якъ то: церковны книги и поученія, житія святыхъ, пѣсни, историі оповѣданки, хоцъ бы были и цѣлкомъ подерты и побабраны, просиме барзъ гардѣ прислати намъ пôдъ адресомъ:

Редакція „Лемко“ Горлицы.

ПРОСИТСЯ О ЖЕРТВЫ

на

„ЛЕМКОВСКІЙ НАРОДНЫЙ ФОНДЪ“

Жертвы посылати на адресъ:

„ЛЕМКО“

ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.

Надѣли сой мазепинцѣ козацку оледжу,
Тай лемкôвску съ крикомъ-гукомъ преступили меджу.
Хтѣли вѣру „иначыти“ русскость закопати
Нашу святость одобрати а свою намъ дати

— —

САТИРА, ГУМОРЪ, ЗАБАВА.

Лемъ-же лемкы ся збачыли, бо тварь не козацка,
Але „пика“ Русьздрадника „льокайско-нѣмецка“
А съ такыма русскы лемкы никусъ не шпасують...
Неборакы „мазепинцѣ“ съ йойкомъ отлѣтують...

——

Въ судѣ.

Сендзя: Чи знате, же то барзъ злѣ гуси красти?

Злодѣй: То правда пане сендзьо, за дуже робять галасу.

На гофѣ.

Капраль: А ты рекрутске сьцѣрво, чомъ есъ ся такъ скрививъ?

Рекрутъ: Ой пане капраль, по тій ранишній гальопзупцѣ такъ мѣ ся отбиватъ, якъ вмерлому кадило.

Бискупъ и хлопецъ.

Еденъ бискупъ звѣдуе ся 9-лѣтнього хлопця, котрого по разъ першій видѣвъ:

Повѣчъ ле ми, мое дзецко, де есть Богъ, та достанешь ябко.

Повѣчте ле ми пане — отповѣвъ хлопецъ — де Бога нее, а дамъ вамъ два ябка.

Дарма наука.

Отецъ: Почкай ты драбе, навчу я тя цигары курити!

Сынокъ: Кьедь я южъ знамъ прошу тата.

На путѣ.

— Такисъ молодый, здравый и — жебрешъ?

— Якже не мамъ жебрати, кой ѣсти ся ми хце, а робити ся ми цѣлкомъ не хце.

Въ часъ розправы.

Сендзя: Чи оскарженый ма ищи дашто додати на свою оборону?

Оскарженый (пошкрябавъ ся по головѣ и повѣдать показуючи на адвоката):

Ани цента, высокій трыбунале! — Остатнѣ 12 коронъ взявъ панъ гадукатъ.

У адвоката.

Адвокатъ (гваритъ до трьохъ паробчакôвъ, што то пришли одобрати маетокъ по своимъ вмерлымъ стрыкови):

Каждый съ васъ достане съ позосталого маетку 12 тисячъ коронъ — по одрахованю коштôвъ по два тисячы вмѣсто по штыри тисячы.

Грицъ (еденъ съ паробчакôвъ повѣдать): Прошу ласкы пана меціяша, теразъ то южъ вера не знамъ, ци то ми стрыко вмерли, ци пану гадукатови.

Злосливый.

Въ кнайпѣ гваритъ еденъ фіякеръ до другого фіякра съ червенымъ носомъ:

Сташекъ зожень муху съ носа, бо си лапы попарить!

Въ судѣ

Сендзя: За тоты убійства кажу тебе звѣсити.

Цыганъ: Кедь я не хцу.

Сендзя: Але кедь я хцу.

Цыганъ: Якъ вы хцете, та идте, та ся повѣсте!

При вôйску.

Еденъ офицеръ пришовъ до цугу, абы обôзрѣти, ци шытко есть въ порядку и спрôбувати мынажу рекрутского. — Коло столу сѣдитъ цѣлый цугъ воякôвъ, але жаденъ съ нихъ не хце ѣсти мынажу.

— Штожъ то хлопцѣ, не смакуе вамъ зупа? звѣдуе ся офицеръ.

— „Я воль“ не смакуе — отзыватъ ся котриси.

Офицеръ казавъ собѣ подати на талѣръ зупы, взявъ лыжку и прôбуе.

— Добре, а навѣтъ досконале — повѣдатъ и хлипатъ едну лыжку за другомъ, а воякы ани рушъ.

— Штожъ вы до дябла хцете отъ той зупы? звѣдуе ся зновъ, але южъ злый.

Жолнѣре ничъ не отзываютъ ся. — Втовды розлощеный офицеръ пытатъ ся першого съ краю вояка, чомъ не хцѣ ѣсти.

— Длятого, бо въ зупѣ ся щуръ вваривъ — отповѣдатъ.

Офицеръ одôйшовъ якъ немытый и южъ веце не пришовъ рекруцкой зупы пробувати.

Безъ адресу.

— Де тотъ листъ, што ту лежавъ?

— Я шмарила го до скринкы.

— Та прецѣнь тамъ не было ищи адресу!

— Е, та я мысьлѣва, же вы не хцете жебы на почтѣ шыткы знали, до кого тотъ листъ.

Кусьцьокъ за дуже.

— На Бога, старый, што ся ти стало? звѣдуе ся зо страхомъ жена мужа, котрый блѣдый якъ трупъ, операючи ся на раменѣ сусѣда, вертатъ домю — што ти бракуе?

— Ми? — отповѣдатъ мужъ — ничъ не бракуе, навѣтъ мамъ кусьцьокъ за дуже...

ИЗДАТЕЛЬ: Д-РЪ АЛЕКСАНДРЪ ГАССАЙ. ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ: ИВАНЪ АНДРЕЙКО.
ЗЪ ПЕЧАТНѢ ЗИГМУНТА ТУРОВИЧА ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.